

Вдовствующая императрица, должно быть, испытывала чувство вины перед Цзи Цинбаем. Она держала его за руку и без умолку говорила что-то вроде:

— Император столько лет был несчастен.

— Теперь, когда ему стало немного лучше, я, старуха, тоже хочу нянчить внуков.

— Эти девушки пришли, чтобы дать потомство императорскому дому, через некоторое время я сама решу вопрос о твоём возведении в ранг.

Услышав слова «возведение в ранг», Цзи Цинбай почувствовал легкий озноб. На самом деле он знал, что Будда сошел в мир, чтобы пройти через страдания. Ранее говорилось, что среди этих страданий есть страдания от любви. Откуда же взяться любви императора? Трехтысячный гарем — вот гарантия!

Подумав об этом, Цзи Цинбай очень захотелось пойти посмотреть на только что прибывших во дворец девушек. Если среди них найдется одна-две, в которых он сможет что-то разглядеть, то почему бы не помочь своему Будде?

Он слишком долго витал в облаках, и Вдовствующая императрица, естественно, заметила неладное. Решив, что он ревнует, она в глубине души всё же пожалела его.

— Не думай лишнего, — смягчив голос, сказала Вдовствующая императрица. — Смотри, какое личико бледное, и душевные муки, и телу вред.

Цзи Цинбай на мгновение застыл, затем опустил голову и смиренно, подобно послушному ребенку, сказал:

— У этой рабыни критические дни, в первый день всегда нелегко.

Вдовствующая императрица моргнула и наконец всё поняла. Она поспешила отправить Цзи Цинбая обратно отдыхать, а после его ухода, покрутив глазами, позвала евнуха и отдала несколько распоряжений.

И вот в тот же вечер император, увидев на подносе груды красных шелковых лент, долго молчал.

Цзэн Дэ готов был ногой пнуть того, кто держал поднос. Красные ленты покрывали его всю, но только на ленте Цзи Юй не было.

— Отвечаю Вашему Величеству, — евнух, отвечавший за ночной вызов, был сообразительным.

Видя, что гнев дракона наверху холоден и мощен, он поспешил снять с себя ответственность:

— У госпожи Цзи Юй критические дни, в первый день боль такая, что не может подняться с постели, поэтому она не может служить. Прошу Ваше Величество проявить снисхождение.

Однако Тань Чжан ухватился не за ту суть:

— Не может подняться с постели?

Цзэн Дэ поспешил вперед, чтобы сгладить ситуацию:

— Тело госпожи всегда было слабым, у женщин в первый день всегда тяжело, прошу Ваше

Величество не принимать близко к сердцу.

Тань Чжан не сказал ни слова, но и не потянулся за лентой. Он повернулся и снова посмотрел на нефритовые таблички с именами и регистрационные книги, лежавшие в Императорском кабинете. Цзэн Дэ поспешил прогнать евнуха с подносом, сам же осторожно прислуживал рядом.

Неизвестно, сколько времени прошло, ночь за окном была так тиха, что слышно было падение иголки.

Император с глухим стуком захлопнул книгу в руках.

Цзэн Дэ вздрогнул и очнулся. Он стоял на коленях, когда услышал холодный и бесстрастный приказ Тань Чжана.

— Приготовить паланкин, в Павильон Кошмаров.

Цзи Цинбай считал, что быть женщиной слишком тяжело.

Его слова Вдовствующей императрице о критических днях вовсе не были отговоркой. Цзи Цинбай сам не ожидал, что в первый день будет так больно. Главное, его заклинания были бесполезны. Божественная сила, которую питал Будда три-четыре месяца, могла лишь создавать цветы, травы, насекомых, птиц, рыб и змей, да и то с трудом меняя форму.

Когда боль становилась невыносимой, он снова мысленно принимался терзать Бай Чао, которого ранее закинул в дальний угол. Цзи Цинбай решил, что после завершения этой жизни обязательно вернётся и сразится с Бай Чао в истинном облике, непременно откусив клочок перьев с его хвоста, чтобы утолить ненависть!

Стоная и охая, Цзи Цинбай лежал на кровати, свернувшись калачиком, как креветка. Если бы не груз ответственности Верховного бога, он бы уже начал кататься по постели.

Собираясь позвать служанку, чтобы та принесла воды, он вдруг заметил в темноте за пологом кровати силуэт человека.

В кромешной тьме Цзи Цинбай совершенно не знал, как долго Тань Чжан стоял у его кровати. Император стоял, сложив руки за спиной, и смотрел на него свысока. Его ледяные зрачки отражали испуганное лицо Цзи Юй.

Мозг Цзи Цинбая гудел несколько мгновений, прежде чем он пробормотал:

— Почему Ваше Величество пришли?

Тань Чжан прищурился, словно разглядывая его лицо. Действительно, лицо было слишком бледным, с примесью усталости, а ивовые листочки глаз опухли.

По правилам дворца женщинам во время месячных запрещено служить, поэтому визит императора в Павильон Кошмаров был неуместен ни с эмоциональной, ни с формальной точки зрения. Естественно, евнухи не докладывали, служанки делали вид, что слепы, и все думали, что император Цзинфэн очень балует Цзи Юй. Интересно, что будут говорить завтра.

Что касается Цзи Цинбая, то до завтрашнего дня ему не было никакого дела.

Сейчас его голова была полна радостью от мысли, что Будда пришел к нему спать. Он активно

освободил половину кровати и похлопал по ней:

— Ваше Величество, прилягете?

Тань Чжан молчал.

Цзи Цинбай подумал, что тот хочет, чтобы ему помогли раздеться, и поспешно наклонился:

— Я помогу Вашему Величеству снять обувь.

Тань Чжан легонько оттолкнул его руку ногой, его тон был холодным и насмешливым:

— Разве у тебя не критические дни, тело не в порядке?

Цзи Цинбай на мгновение застыл, но ни капли не обиделся на его язвительность. Он улыбнулся:

— Да, немного нехорошо, но если лечь, то ничего. Ваше Величество, давайте спать вместе?

Тань Чжан нахмурился. На самом деле он и сам не знал, зачем пришел к Цзи Юй. Если сказать, что хотел вызвать её для ночи — в душе он испытывал отвращение. Но за то время, что они спали вместе, внутренний жар действительно значительно уменьшился. Когда Цзи Юй была рядом, становилось прохладно и приятно, всё тело чувствовало себя легко.

Этот человек был словно своевременный дождь, упавший на его неудержимый степной пожар.

Цзи Цинбай, конечно, не понимал противоречий и терзаний в сердце императора. Он лично помог Тань Чжану снять придворное одеяние, переодеться в ночную рубашку, уступил половину своего шелкового одеяла, аккуратно укрыл императора и даже одной ладонью стал нежно похлопывать Тань Чжана по груди, словно убаюкивая ребенка, подперев голову и улыбаясь ему.

Тань Чжан, казалось, испытывал легкое смущение и досаду. Он закрыл глаза и не смотрел на него.

Похлопав его некоторое время, Цзи Цинбай вдруг почувствовал резкую боль в животе. Он наклонился и несколько раз кашлянул, вытащил из-под подушки платок и прикрыл им рот.

Император открыл глаза:

— Что такое?

Цзи Цинбай невнятно пробормотал, что всё в порядке, но когда убрал платок, на нем было несколько алых точек. Он с удивлением воскликнул:

— Странно... снизу кровь течёт — ладно... но и изо рта может идти?..

Тань Чжан молча смотрел на его платок. Цзи Цинбай подумал, что испугал его, и успокоил:

— Моё тело всегда было слабым, Вы и сами знаете. Я буду послушно пить лекарства.

Тань Чжан резко взглянул на него, и в его тоне зазвучала острота:

— Какие лекарства?!

Цзи Цинбай испугался, не понимая, из-за чего разгневался Будда. Он почесал голову и мягко объяснил:

— Просто то укрепляющее лекарство, что дала ранее моя матушка. Я пью его с тех пор, как очнулась. Говорят, оно укрепляет корень и питает основу, хорошо восстанавливает. Я же не хочу рано умереть, пью каждый день.

Губы Тань Чжана дрогнули, но он не произнес ни слова. Цзи Цинбай решил, что тот переживает за него, и ему стало очень приятно. Он подумал, что даже спустившись в мир, Будда всё равно будет о нём заботиться, и решил продолжить демонстрировать преданность:

— В моём сердце и глазах только Вы, Ваше Величество. Я просто хочу быть рядом с Вами, долго-долго. Если где-то у Вас заболит, скажите мне, я помассирую.

Император молчал. Цзи Юй зевнула — ей действительно хотелось спать. Обняв его одной рукой и склонив голову к его шее, она заснула.

Тань Чжан лежал с открытыми глазами в темноте, чувствуя, будто рядом плещется лужица теплой воды.

Готовая расплавить его плоть и кровь, растворить его кости.

Когда Лу Чаншэна ранним утром вызвали в Чертог Юйлун по приказу императора, он был настолько сонный, что сознание затуманилось. Стоя на коленях, он чувствовал, что голова тяжелее ног.

Император сидел на троне, молчал, не говоря ни о деле, ни о наказании, лишь мрачно и угрюмо смотрел на него.

Лу Чаншэн уже готов был потерять сознание:

— Ваше Величество... Вы...

Цзэн Дэ, видя, что Тань Чжан всё ещё молчит, вынужден был, рискуя жизнью, начать разговор:

— Вчера наложница Цзи Юй кашляла кровью...

Лу Чаншэн воспрял духом и поспешил, ударившись лбом о пол, заявить о своих заслугах:

— Этот яд... лекарство... по нынешней ситуации уже постепенно начинает действовать, Ваше Величество не стоит беспокоиться...

— Как лечить, — Тань Чжан опустил голову, смотря на Лу Чаншэна сверху вниз, и вдруг холодно перебил его. — Как лечить этот яд.

Лу Чаншэн моргнул, не понимая, что именно задумал император. Дрожа от страха, он ответил:

— Сейчас лекарство принимается уже почти полгода. Даже если немедленно прекратить, яд уже проник в кровь... Лечение займет не мгновение. К тому же Забвение действительно не имеет противоядия, можно только ядом противостоять яду...

Его голос постепенно стихал, становясь почти неслышным.

Тань Чжан сидел не двигаясь. Казалось, он внезапно почувствовал усталость и тихо

усмехнулся.

Цзэн Дэ тоже опустился на колени, припав головой к полу и не поднимая её. Лу Чаншэн больше не смел говорить, боясь, что лишнее слово будет стоить ему жизни.

— Скажи, — император вдруг спросил, словно размышляя вслух. — Почему она очнулась? Почему не умерла сразу?

Лу Чаншэн обливался холодным потом. Он несколько раз открывал рот, но не мог вымолвить ни слова.

Тань Чжан закрыл глаза. Он махнул рукой, и на его лице не было ни тени эмоций:

— Пока я не разрешу ей умереть, она не умрёт. Понял?

<http://bllate.org/book/15582/1387551>